

Роман Вершилло

Дегуманизация

06/12/22

Аннотация

Полемика против дегуманизации выглядит благородной, человеческой позицией. Однако она идет против всего устройства человека, противоречит тому, кто такой человек на самом деле, и тому, как всегда было и будет устроено человеческое общество.

Одно из направлений антивоенной пропаганды уговаривает нас не забывать, что противник тоже человек:

«Противник, даже будучи противником, всегда остается человеком».

Как вариант, нас призывают «не отказывать другому в человечности», «в принадлежности к роду человеческому», «относиться как к человеку», «не называть его животным».

Дегуманизация в Википедии

Всем этим милым разговорам нашлось место в Википедии на странице «Дегуманизация».[1]

На этой странице можно различить две вещи: здесь психология, как свод несущественных знаний о человеке, удачно сочетается с фантазийной гностической политикой.

Психология и право

«Дегуманизация» родилась в психологии XX века с ее понятием «стигмы». Речь идет, например, о том, что больные ВИЧ – такие же люди, как здоровые. Из этого тезиса извлекаются правовые следствия, которые в либеральных обществах проводятся со всей своей инклюзивной мощью.

Однако мы уже видим необходимые ингредиенты:

- человек равен человеку (тождество);
- каждый человек бесконечно ценен тем, что он есть уникальная личность (абсолютная инаковость).

«Все люди разные» и «все люди одинаковые», хотя на самом деле не все люди разные и не все одинаковые.

Политика

Нас больше интересует другая сторона – политическая, потому что «социальная стигма отказывает в принадлежности к обществу, то есть к человечеству», как утверждает Авишай Маргалит в книге «Достойное общество».[2]

Тут становится несколько яснее: человек вне общества – не человек. Это верно, и, следовательно, о человеке можно-таки говорить ясно и непротиворечиво.

Однако не верно, что общество может само решать, кто к нему принадлежит, а кто нет. Человечность не может быть объектом социального регулирования, и изгнанник может представлять человеческое общество в большей мере, нежели изгнавшие его.

Язык

Наконец, сам язык борцов с дегуманизацией вызывает подозрение: он прямой и иносказательный, юридически точный и невнятный. Например, речь о человеке предполагает доступность сказанного нашему непосредственному пониманию, раз уж все мы – люди. В то же время, чтобы разобраться в возражениях против дегуманизации, необходимо обширное предварительное знание.

Дегуманизация в либерализме

«Дегуманизацию» как орудие пропаганды мы обнаруживаем в либерализме и православном модернизме.

Начнем с Манифеста «Рассела – Эйнштейна» (1955 год):

Мы обращаемся как люди к людям: помните о том, что вы принадлежите к роду человеческому, и забудьте обо всём остальном. Если вы сможете сделать это, то перед вами открыт путь в новый рай; если вы это не сделаете, то перед вами опасность всеобщей гибели.

Здесь, как мы видим, банальность приобретает вид тавтологически точный, но ученые, очевидно, понимают революционное содержание своей тавтологии. Они зовут в новый рай, так как в нормальном обществе люди общаются друг с другом не просто как люди, а как граждане, сложно устроенного общественного здания.

Затем мы встречаемся с «дегуманизацией» у академика Андрея Сахарова в его эпохальном сочинении «О стране и мире» (1975 год), в воспоминаниях Александра Яковлева и т. п.

Думаю, мы достаточно показали либеральную подоплеку разговоров о дегуманизации.

Дегуманизация и православный модернизм

«Дегуманизация» пришлась по душе и православным модернистам в той мере, в какой они либералы.

Уже классик модернизма Николай Бердяев толкует дегуманизацию как «отрицание ценности всякого человека».[3] У него, как видим, все это подверстано к религиозному возвеличиванию личности.

В 1990-е годы «дегуманизация» попадает на язык к о. Андрею Кураеву. Он противопоставляет дегуманизации «инаковость».[4] Несколько позднее он определяет дегуманизацию как «навязывание человеку только одного способа познания себя и мира».[5] О бесчеловечность жестоких дегуманизаторов!

Особенно процвела «дегуманизация» на фоне конфликта в Донбассе, начиная с 2014 года. Центром антивоенной пропаганды стал сайт «Православие и мир», где отличился публицист Сергей Худиев.

По своим воззрениям Худиев либерал, радикальный пацифист. Не удивительно, что он осуждает «отказ видеть в ближнем человека» и утверждает, что это прямо ведет к убийству.[6] Вместо этого Худиев предлагает договариваться с противником, заранее признав, что «по

ту сторону линии фронта вовсе не законченные дураки и негодяи, а люди, имеющие право голоса».[7]

Тогда же против дегуманизации выступает о. Савва (Гамалий) – позднейший обвинитель Русской Церкви в ереси «русского мира»:

Сегодня мы слышим нескончаемый поток унижительных прозвищ, которые **отказывают людям в человеческом достоинстве**: майдауны, майданутые, фашисты, нацисты, хунта, каратели, бандеровцы, укры и т. д. С другой стороны им **пытаются ответить**: колорады, ватники, рашисты. Сложно убить человека, у которого есть семья, дети, свои мечты, стремления, свое представление о счастье, есть имя и фамилия. И значительно легче убить «фашиста» или «ватника», ведь это уже не люди.[8]

Здесь позиция гуманиста-националиста проведена очень элегантно: русские отказывают украинцам в человеческом достоинстве, а те лишь **пытаются** ответить.

В 2022 году тема «дегуманизации» снова всплыла на поверхность, и наиболее характерным мне показался такой фрагмент из одной соцсети:

Участники этого военного конфликта очень легко и с большой готовностью отказывают друг другу в принадлежности к роду человеческому... Мы очень похожи, но одновременно отличаемся, и потому возникает ощущение, что по ту сторону линии фронта находятся какие-то подменыши, притворяющиеся людьми, оборотни – словом, бесы.

Указывается и выход: остановить дегуманизацию «можно, только помня, что и противник, даже будучи противником, всегда остается человеком». Вот так легко и просто «слиться в радости одной».

Какие могут быть возражения?

Казалось бы, какие это все может вызывать возражения?

Гуманные, добрые, хотя, может быть, немного замороченные, люди опасаются, что жестокие слова усиливают жестокость войны. Они предлагают выход: выражаться о противнике мягче, а лучше всего не воевать, а договариваться.

Перед нами благородная, можно сказать, человеческая позиция, которая тем не менее идет против всего устройства человека, противоречит тому, кто такой человек на самом деле, и тому, как всегда было и будет устроено человеческое общество.

Человек

Несмотря на гуманные разговоры о человеке, человечестве и человечности, в дегуманизации имеют ввиду не человеческую природу, а личность.

Для либералов политические и религиозные воззрения человека составляют часть неповторимых особенностей личности. Как таковые, они несравнимы и непостижимы. Возьмем двух марксистов и у каждого будет свой неповторимый марксизм.

Даже поступки, вытекающие из этих воззрений, тоже уникальны, и поэтому должны приниматься без осуждения. Ведь мы не знаем, что стоит за тем или иным словом и поступком, и сравнить его не с чем: ни со свинством, ни со зверством.

Казалось бы, представление о человеке достаточно изничтожено. Но нет, вдобавок к этому взгляды и дела человека существуют отдельно от личности человека. Преступление не связано с личностью преступника, и его нужно любить независимо от него. В модернизме это оформлено в максиму: «Ненавидеть грех, а грешника любить».

Вот из какого взгляда на человека рождается требование не оскорблять противника. Такое воззрение не выдерживает и малейшего проявления ненависти и презрения, хотя это чувства вполне естественны. Ненавидеть и презирать надо достойных ненависти и презрения, и вот вся «дегуманизация» развеялась как дым

Аморальная мораль

Мы выяснили, что разговоры о дегуманизации говорят не о человеке. Человек создан, устроен и существует иначе.

Но эти разговоры еще и аморальны. На поверку, нравственность наших гуманистов оказывается безнравственной.

Осуждая войну как таковую, они отказываются судить о справедливости в делах человеческих, а такой суд есть существенная часть нравственной природы человека. Более того, тот, кто пытается судить о добре и зле, становится преступником против новой морали.

Общество

Говоря о морали, мы переходим от человека к обществу, но и здесь находим одну только дегуманизацию.

Само человеческое общество выступает главным дегуманизатором, потому что вне общества, как правильно указано, человек не человек.

В обществе мы постоянно отказываем другим людям в тех правах, которые сами имеем. Общество так устроено, что к некоторым людям не относятся наши правила, мораль и честность. Например, преступники изъяты из наших понятий о морали в том смысле, что мы относимся к ним как преступникам, а не как образцовым гражданам. Мы следим за ними, подозреваем их, устраиваем против них заговоры и засады, и награждаем тех, кто делает это наиболее успешно.

То же и в Церкви. Осуждая преступление, – например, раскол на Украине – мы игнорируем личность раскольников, их творческие и неповторимые свойства. Мы отказываем им в правах называться членами Церкви, то есть поражаем их в правах.

Именно и только такое отношение к врагам Церкви и общества всегда считалось и считается правильным и нравственным. Общественная нравственность в том и состоит, чтобы судить о каждом человеке по достоинству и поступать с ним соответственно.

Патологическая речь

Мы пришли к выводу, что разговоры про «признание человека в человеке» по видимости есть речь точная, а на самом деле – образная, метафорическая.

Смотрите сами: человек может вести себя как неблагодарная свинья или благородный орел. Этими метафорами выражается самая простая мысль: что один человек – подлец, а другой – пример благородства. В антивоенной демагогии утверждается, что так говорить нельзя, потому что это лишает человека его человечности, его уникальных качеств.

Спаситель назвал Ирода лисом (Лк. 13:32). Разве этим утверждается, что Ирод не человек? Ни в коем случае.¹

¹ «В Божественном Писании нередко предметы естественные представляются людям в образ и пример. И это для того, чтобы из естественного виднее были произвольные движения в людях. И таким образом показывается или дурной, или правдивый человеческий нрав. Так, дурные нравы имеет ввиду, если заповедует: „не будите яко конь и мек, имже несть разума“ (Пс. 31:9); или когда, укоряя сделавшихся такими, говорит: „человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им“ (Пс. 48:13); и еще: „кони женонеистовни сотворишася“ (Иер. 5:8). И Спаситель, показывая, каков Ирод, сказал: „скажите этой лисице“ (Лк. 13:32); и ученикам заповедал: „вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и

Вот, значит, что здесь происходит: одни метафоры мы запрещаем как негуманные, и заменяем их другими метафорами, которые прикидываются точной и даже юридической речью. Однако, в отличие от «свиньи» и «орла» метафора «дегуманизации» лишена простой психологической достоверности и требует извращения ума и совести.

Действительная природа бедствий

Разговоры о дегуманизации показывают, что перед нами милые и наивные люди, которые потеряли разум и совесть. Они не хотят видеть зла, которое произошло из человеческой души, и игнорируют его демоническую природу.

Антивоенная пропаганда идет против очевидной истины, что мы воюем с противником именно как с человеком, хотя обычно не считаем его **хорошим** человеком.

И мы любим, или ненавидим кого-нибудь не за то, что он человек, но за то, что он такой-то человек.[10, С. 421]

Им не нравятся ужасы войны, они считают их преувеличением, клеветой на человека. Не нравится им и то хорошее, что есть в войне, например, ее справедливость, то есть то единственное, на чем может утвердиться разум.

Я же, со своей стороны, скорее поверю рассказам о зверствах противника, чем пустым разговорам, что он «тоже человек». На самом деле зла в человеческой душе еще больше, чем это можно видеть или вообразить.

Выводы

Итак, борцы с дегуманизацией предлагают нам неправильное представление о человеке вообще, и слишком оптимистическое – о человеке в моральном смысле. Тем самым они декретируют неправильное нравственное чувство.

Следовательно, «дегуманизация» нужна, чтобы не дать состояться разумному разговору о том, каков этот отдельный человек по нашу линию фронта и там, во вражеских окопах.

Список литературы

- [1] Wikipedia, Дегуманизация. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D0%B3%D1%83%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F>.
- [2] *Маргалит, Авишай*. Достойное общество / перевод с английского В. Ю. Михайлина, Н. В. Михайлина. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
- [3] *Бердяев Н. А.* Русская идея: (основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в.). – Paris: YMCA-Press, 1946.
- [4] *Кураев, Андрей о.* Христианство на пределе истории : О нашем поражении. /– Ростов-на-Дону, Москва: Троицкое слово; Паломник, 2003.
- [5] *Кураев, Андрей о.* «Спор двух академий». – 2007. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/274965.html>.
- [6] *Худиев С. Л.* Можно ли оправдать убийство? – 2014. – URL: <https://www.pravmir.ru/mozhno-li-opravdat-ubiystvo/>.

просты, как голуби“ (Мф. 10:16). Сказал же это не с тем, чтобы мы по природе сделались подобными скотам, стали змеями, или голубями (не такими сотворил Он нас, поэтому и природа не допускает этого), но с тем, чтобы избегали мы неразумных стремлений».[9, С. 393]

- [7] *Худиев С. Л.* «Вы просто зомбированы пропагандой». – 2016. – URL: <https://www.pravmir.ru/vyi-prosto-zombirovani-propagandoy/>.
- [8] *о. Савва (Гамалий).* Украина – не Руанда? – 2014. – URL: <https://www.pravmir.ru/ukraina-ne-ruanda/>.
- [9] *св. Афанасий Александрийский.* На ариан Слово третье. // Творения: В 4-х Т. М.: Троице-Сергиева Лавра, 1902. Т. 2.
- [10] *св. Иоанн Златоуст.* Беседы на послание к колоссянам. // Творения: В 12-ти Т. СПб.: Санкт-Петербургская Духовная Академия, 1905. Т. 11.